

Назв. 8.м
рис.

1985

Св. культура, 1985, 6 июля, № 68.

ДЕТЯМ ПОСЛЕ ШЕСТНАДЦАТИ

КОММЕНТАРИЙ К РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЕ

Известный, очень интересный Театр юного зрителя приезжает в город на гастроли и вдруг... встречает полное непонимание зала. Подростки, пришедшие на спектакль с классом, смеются в самых неподходящих моментах, бросают реплики, вскакивают со своих мест. В чем дело? Проблемы, поднятые в спектакле, недоступны им? Или слишком сложно сценическое решение? Или, может, виноваты педагоги, не научившие ребят мыслить нестандартно. Об этом размышляли наши читатели, откликнувшиеся на письма учительницы А. Сорокиной «Детям после шестнадцати» и актрисы Орловского тюза Е. Успенской «Опять культпоход!» (опубликованы 17 января). Часть откликов была напечатана на страницах газеты.

Редакционную почту наш корреспондент Н. Русакова попросила прокомментировать заслуженного деятеля искусств РСФСР Ефима Михайловича ПАДВЕ, главного режиссера Ленинградского Молодежного театра.

— Все читатели единодушны в том, что, когда речь идет об искусстве для молодежи, нельзя забывать о его воспитательной функции. Но что значит — воспитывать зрителя? Дать подростку образец для подражания или помочь ему разобраться в жизни, в себе самом? Саратовскую учительницу Г. Девятову, например, привел в недоумение спектакль «Виктория» («Бумажный патефон»): «Мне было стыдно встретиться с глазами своих учеников. Они-то привыкли, что мы учимся у героев всему доброму, чистому, светлому, а тут — герои с изломанными судьбами, неустрашенные. Какую воспитательную задачу решал театр, давая ход такой пьесе?». «Как можно ставить так вопрос? — как бы возражает учительнице инженер-строитель М. Конькова. — Ведь тогда все искусство будет населено правильными героями, с которых можно брать пример, но захочет ли кто это делать? Ведь в жизни образцово-показательных людей нет».

— А как вы понимаете эту задачу — воспитывать молодежь? Вот на вывеске вашего театра значится слово «молодежный». Что это — рекламный трюк, чтобы привлечь молодежь, или особый театр со своей проблематикой, своими целями, своей формой подачи?

— Ну, если это рекламный трюк, то очень ненадолго. Разоблачение последует скоро и наказание тоже. Если взрослый зритель великодушно прощает своему театру спектакли скучные, серые и доверчиво ждет новой премьеры в надежде, что желаемое все-таки свершится и будет вознагражден его интерес, то с молодыми все обстоит иначе. Они просто перестанут ходить в театр и предпочтут ему эстраду, дискотеки, телевидение. Они и там порой не находят удовлетворения, но все-таки это легче, чем сидеть на скучном спектакле, где и не смешно, и не грустно, и все заранее известно. Молодежный театр, как никакой другой, должен чувствовать увлечения молодого поколения, даже если кому-то они кажутся преходящими и поверхностными. Не исключено, что это действительно так и на смену им придут другие интересы. И тем не менее не учитывать их нельзя.

Молодежь, как правило, на актуальные спектакли откликается очень живо и с благодарностью. Ни театр, ни зритель не в состоянии в каждом спектакле решать проблемы глобальные и вечные. Страшнее не увидеть, не разглядеть важное именно сегодня, опоздать. А что касается художественной формы, то даже спектакли по пьесам А. Гельмана, при всей их проблемности, в зависимости от того, как они поставлены, либо обретают бурную жизнь, либо становятся балластом в репертуаре.

Сегодня молодежный театр, обращаясь к вечным темам любви, дружбы, справедливости, подвига, должен искать такие формы, которые привлекали бы молодежь. Ведь воспитание начинается там, где между сценой и зрителем возникает понимание, доверие и взаимный интерес.

— А существует ли разница между проблематикой молодежной и взрослой? Мнения наших читателей на этот счет разделились. Одни считают, что не все вопросы нашей жизни можно ставить перед молодыми зрителями, другие полагают, наоборот, — нет таких проблем, которые были бы не доступны для их понимания.

— Чтобы ответить на этот вопрос, приведу два примера. Московский театр «Современник» шестидесятих годов предназначался именно для молодежи, но в него стремились попасть все, кто интересовался театром. Спектакли Ленинградского Большого драматического театра имени Горького не адресовались специально молодежи, однако именно этот театр в шестидесятые годы определил наши интересы и воспитал целое поколение ленинградских зрителей. Почему? Потому что оба коллектива утверждали новый театральный язык, по-новому читали известные всем классические произведения, открывали имена драматургов. Оба театра смело вступали в борьбу со сценическими штампами. Молодежь первая откликнулась на это и отблагодарила их любовью и признанием.

— Вы считаете, что «нет проблем» в проблемах: перед молодежью надо ставить те же вопросы, что и перед взрослым зрителем. Но все-таки чем-то молодежный театр отличается от взрослого?

— Недавно в нашем театре появился спектакль «Сирано де Бержерак», поставленный в жанре эксцентрической оперы. Музыкальный язык этого спектакля включает в себя элементы рок-музыки, джаза, классики и даже шлягера. Мы хотели найти такую форму, чтобы прекрасные идеалы любви и дружбы прозвучали и вызвали эмоциональный отклик в душах сегодняшних молодых людей. Конечно, этот спектакль можно поставить иначе, и кто-то воспроизводит на сцене все пять актов этой прекрасной героической комедии. Театру взрослому, а тем более академическому, не под силу решительно изменять традициям и гоняться за модой, да, может, этого и не надо делать. Театр молодежный должен быть подвижным, рискованным, не бояться экспериментов. И чтобы идеалы роستانовской пьесы в наше время жили и торжествовали, надо искать к этому разные театральные пути.

— Так, выходит, художественный язык зависит от моды?

— Мне кажется, художественный язык не столько находится в зависимости от моды, сколько впитывает в себя все, что модно, живо, эмоционально. Если художественный язык не идет дальше моды, он перестает быть художественным. Судьбы театра связаны не с модой, а со временем, с его гражданским и нравственным пафосом, с его эстетическими и художественными критериями.

— У нас много писем, где читатели сетуют, что молодежь не любит театр. «Не так давно наш Тюз провел исследование молодежной аудитории. Среди вопросов значились и такие: назвать любимые произведения живописи, спектакли, фильмы, книги. Выяснилось, что театр по интересам стоит на последнем месте — одно или два посещения в год», — пишет заведующий литературной частью Калининского тюза Г. Веремеенко. «Да, театр не занимает заметного места в жизни подростков», — отмечает москвич А. Смирнов. — Почему? Мне кажется, большая вина здесь на педагогах, ведь многие из них годами сами не бывают в театре. А приучать детей к театру должен прежде всего учитель. Как вы полагаете, в чем тут дело?

— Конечно, можно утешать себя иллюзией, что сегодняшнее поколение уродилось нетеатральным и не испытывает желания задуматься над вопросами бытия. Мне думается, это не так. Конечно, современные молодые люди менее доверчивы, чем старшее поколение, у них и информации больше, чем было у их отцов и матерей, и возможностей проводить досуг тоже

несравненно больше. Но все-таки, мне кажется, в том, что молодежь порой обходит театр, виноват сам театр. Видимо, ему не всегда удается предложить молодежи такую современную форму и такое решение темы, которое завлечет их внимание. Ведь получается же это у некоторых театров. Я видел в Вильнюсе замечательный спектакль «Ромео и Джульетта», поставленный талантливым режиссером Некрошюсом. На этот спектакль шла запись, и билеты спрашивали за несколько кварталов.

— Однако порой не спектаклями театр старается привлечь молодежь. Наши читатели пишут, что в некоторых городах, например, устраивают после спектакля дискотеки. Руководители театров полагают, что таким образом они приучат молодежь ходить в театр и тогда уже покажут ребятам серьезные спектакли. Как вы считаете, оправдывает ли это себя?

— Я не хотел бы называть ни город, ни театр, о котором пойдет речь, потому что люблю и этот город, и театр, и его артистов. Раньше в одном здании с театром находился роскошный ресторан с программой варьете. И вот в вечерние часы часто можно было наблюдать унылый театральный подъезд и бурное оживление у входа в ресторан. Кто-то из энергичных руководителей театра добился того, что помещение ресторана передало театру и сделали там роскошный бар с фонтаном и тихой музыкой.

Два года назад я был там. У входа в театр спрашивали лишние билетки. И вот спектакль начался, а в зале было много пустых мест. Администрация мне объяснила, что многие молодые люди покупают билеты только для того, чтобы посидеть в баре, а в зрительный зал вообще не поднимаются. Так что, я думаю, вряд ли таким способом можно привлечь молодежь в театр. Существуют, конечно, другие формы агитации: обсуждение спектаклей, различные формы содружества, дискуссии, культпоходы. Но, мне кажется, плохому театру они не помогут, а хороший в них не нуждается. Театр может и должен агитировать сам за себя.

У нас в театре нет проблем с заполняемостью зрительного зала. Нет и культпоходов. Но если где-то они необходимы, надо, чтобы от них была какая-то польза. Учительница А. Сорокина на страницах газеты призналась, что культпоходы для нее — мука: в школе на уроках литературы детей учат, что Тихон из «Грозы» — слабая, безвольная натура, жертва «темного царства», а в спектакле он чуть ли не бунтарь против этого царства. Ну и что? Что страшного, если в спектакле Тюза Тихон взбунтовался? У Островского в пьесе есть для этого все предпосылки. Мне кажется, учителю надо прийти в класс и предложить ребятам разговор о Тихоне и о спектакле — имел ли право театр на такую трактовку? Почему на уроках химии, физики, математики учеников заставляют думать, а на литературе только выучивать «от сих до сих»?

— Мне хочется процитировать еще одно письмо. «По-моему, молодые люди живут очень инертно. У них все есть, за них все решают родители — даже институт и спутника жизни им выбирают. Поэтому и к искусству они относятся довольно потребительски, серьезные проблемы их не тревожат», — пишет Г. Становая из Томска.

— К сожалению, мы еще мало знаем молодежь. Недавно у нас в театре тоже проводилось социологическое исследование. Анкета раздавалась и зрителям, и критикам. И вот что получилось. Спектакль, в котором зрители увидели возможность «сочувствия и сопереживания с героями», критики отметили лишь как повод «отвлечься и отдохнуть». Кроме того, критики, по той же анкете, считают, что большинство зрителей идет в театр, чтобы «отвлечься от повседневности», а молодежь утверждает, что хочет видеть спектакли проблемные, актуальные. Так что, вероятно, мы, взрослые, еще плохо себе представляем, кто они, «дети после шестнадцати», что хотят от жизни, что ждут от театра. А нам это так важно понять...